

Межпоколенные изменения ценностей населения России: методологические проблемы исследования

Intergenerational values change of the Russia' population: methodological problems of research

Максимов А.М.

Канд. полит. наук, доцент; старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук

e-mail: amm15nov@yandex.ru

Maksimov A.M.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

e-mail: amm15nov@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения межпоколенных различий в системах ценностей россиян в XX – начале XXI в. В числе этих проблем: вариативность семантического содержания концептов «поколение» и «ценность», неопределенность хронологических границ поколений, различие в подходах к измерению ценностей и проблема выбора валидной методики их комплексного изучения. В статье представлены различные дефиниции понятий «поколение» и «ценность», описаны модели смены поколений в контексте советской / постсоветской истории, дан критический обзор основных методологических подходов к изучению ценностей. Показано, что наиболее адекватные интерпретации категории «поколение» содержатся в современных версиях концепции К. Мангейма, отечественные модели смены поколений базируются на теории Н. Хау и У. Штрауса, а комплексное определение категории «ценность» дано в работах Ш. Шварца. Отмечается, что с точки зрения задач эмпирического исследования межпоколенных трансформаций систем ценностей наиболее адекватной и обоснованной является методология «Всемирного обзора ценностей» Р. Инглхарта.

Ключевые слова: поколение, теория поколений Н. Хау и У. Штрауса, ценности, «Всемирный обзор ценностей», межпоколенная трансформация ценностей.

Abstract

The article examines the methodological problems of studying intergenerational differences in the value systems of Russians in the XX - early XXI centuries. There are several main problems: the variability of definitions of the terms “generation” and “value”, the uncertainty of the chronological boundaries of generations, the difference in approaches to measuring values and the problem of choosing a valid methodology for their comprehensive study. The article shows various definitions of the terms "generation" and "value", describes models of generational change in the context of Soviet / post-Soviet history, gives a critical review of the main methodological approaches to the study of values. It is shown that the most valid interpretations of the category "generation" are contained in modern versions of the concept of K. Mannheim, Russian generational change' models are based on the theory of N. Howe and W. Strauss, and a comprehensive definition of the category "value" is given in the works of Sh. Schwartz. It is noted that from the point of view of the purposes of empirical research of value systems

intergenerational transformations, the most valid and verified methodology is R. Inglehart's "World Values Survey" methodology.

Keywords: generation, the generation theory by N. Howe and U. Strauss, values, World Values Survey, intergenerational value transformations.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00016 А «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий».

Интерсубъективные феномены, обусловленные культурно-историческими особенностями развития конкретного сообщества людей, вносят существенный вклад в формирование мотивов и установок их различных групп, определяя, наряду с объективированными социально-экономическими и политическими структурами, доминирование определенных форм социальных практик и поведенческих паттернов в повседневной жизни индивидов. Одними из базовых интерсубъективных феноменов являются системы ценностей, носителями которых индивиды и выступают. При этом, очевидно, что условия социализации и актуальные параметры социальной среды, в которой действуют конкретные люди, ведут к межгрупповой дифференциации систем ценностей. Так, можно говорить, что для разных социальных групп, таких как этнические, классовые или поселенческие (городские / деревенские жители) характерны неодинаковые системы ценностей. Вместе с тем, наряду с классовым, этнокультурным и поселенческим факторами дифференциации систем ценностей, важную роль в этом процессе в современных обществах играют и поколенческие различия [1, с. 20-21; 2, с. 125-127; 3, р. 560-561]. В частности, Ю.А. Левада отмечает, что межпоколенную преемственность ценностей «можно представить себе только в традиционном обществе», тогда как в обществах модерна и постмодерна, история которых насыщена «поворотами и потрясениями, массовыми надеждами, разочарованиями, комплексами...», становятся актуальными такие явления, «как "ключевые" поколения, задающие "тон" (ориентации, символы) на относительно длительный период, "разрывы" между поколениями (в установках и оценках), конфликты между поколениями "отцов и детей"» [4, с. 7]. Перечисленные явления и порождают проблему процессов межпоколенной трансформации ценностей, понимание которых позволяет повысить полноту и релевантность существующих социологических репрезентаций российской действительности.

Однако необходимость теоретического и эмпирического исследования межпоколенной трансформации ценностей порождает ряд методологических проблем, среди которых ключевыми являются вариативность семантического содержания основных концептов («поколение» и «ценность») и возможностей их операционализации, трудноопределимость границ поколений, различие в подходах к измерению ценностей и проблема выбора валидной методики их (ценностей) комплексного изучения. В настоящей статье мы представим последовательный обзор этих проблем и предложим наши варианты их решения.

В ситуации, когда исследователь не уделяет достаточного внимания рефлексии по поводу используемых категорий анализа, поколение интерпретируется им как группа людей, укладывающаяся в определенные возрастные границы. Подобная интерпретация приводит к тому, что поколение как социологическое понятие де-факто замещается демографическим, т.е. «возрастной когортой». К. Мангейм в свое время предлагал решать эту проблему с помощью вписывания возрастных когорт в контекст исторических процессов культурной трансформации, отмечая, что разрыв между поколениями, обусловленный тем, что социализация «соседних» возрастных когорт происходила в

радикально отличных социально-исторических условиях, наполняет социологическим содержанием исходно биологическую категорию «поколение». Осознание людьми того, что их личностное становление происходило в особых исторических условиях, по Мангейму, необязательно ведет к единству ценностей, мировоззрения, политических взглядов и т.п., но задает единство социально-исторического «местоположения» и общий для этих людей круг смысложизненных вопросов. Вместе с тем, в пределах одного поколения могут наблюдаться отдельные «секции», происхождение которых уже можно связать с классовой, сословной, профессиональной дифференциацией внутри поколения [5].

Заложенная К. Мангеймом теоретическая традиция получила в дальнейшем мощное развитие и является ориентиром для значительной части российских социологов, специализирующихся на проблеме поколений. Так, Б.В. Дубин рассматривает понятие «поколение» как «форму (тип) социальной связи и фокус символической солидарности», которые становятся значимыми источниками коллективной идентичности в условиях модернизирующихся обществ и фиксируют социокультурные «разрывы» между отдельными возрастными когортами. При этом он указывает, что в социальных науках понятие «поколение» используется в основном как метафора, а не строгая категория, и её содержание может меняться в зависимости от выбранной теоретической рамки [6, с. 12].

Более четкую дефиницию термина «поколение» приводит М.Б. Глотов: в его понимании поколение – это «объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [7, с. 42]. Из самого определения видно, что его трактовка поколения также напрямую наследует концепции поколения К. Мангейма.

Радаев В.В., кратко обрисовывая историю развития концептуальных основ социологического изучения поколений, показывает доминирование в социальных науках модификаций подхода, предложенного К. Мангеймом, а в своей трактовке поколения подчеркивает, что это «в первую очередь группа людей, совместно переживших какие-то важные исторические события, и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения» [8, с. 16].

В.И. Пищик указывает на многообразие дефиниций категории «поколение», в том числе с точки зрения не только социокультурной, но и социально-психологической. В частности, не отрицая важной для формирования поколенческой идентичности роли историко-культурного контекста, в котором происходила социализация представителей одного и того же поколения, она отмечает, что людей конкретного поколения связывают также общая картина мира, схожий репертуар коммуникативных стратегий, общий стиль мышления [9, с. 80-81]. Таким образом, возможна интерпретация поколения не только как социально-исторической общности, но и как общности социально-психологической. Для изучения связи между сдвигами в системах ценностей и сменой поколений (в смысле постепенного массового занятия представителями «нового» поколения статусных позиций, обеспечивающих им экономическое, политическое и культурное доминирование) социально-психологический компонент в содержании понятия «поколение» представляется крайне важным, поскольку ценности могут интерпретироваться не только как культурные императивы / общепринятые нормы, но и как индивидуально разделяемые моральные принципы и фундаментальные жизненные цели (подробнее об этом – ниже).

На основе мангеймовских представлений о природе феномена поколения как особой социокультурной общности во второй половине XX в. сложилась и развивалась теория поколений. Современная версия этой теории обычно возводится к работам Н. Хау и У. Штрауса 1990-х годов [10, 1991; 11, 2000]. Они предложили свою периодизацию поколений для XX в., которая по настоящее время остается весьма популярной в различного рода научных и публицистических построениях. При этом важно понимать,

что эмпирической основой модели Хау-Штрауса стали данные о различных сторонах жизни народонаселения США, что предполагает решение задачи её адаптации для отечественных реалий.

Так, одна из таких адаптаций принадлежит В.И. Пищик, где различия между поколениями сформулированы в достаточно расплывчатых терминах ментальности, однако с очевидной привязкой к периодам послевоенной советской (постсоветской) истории (табл. 1) [9, с. 82, 85; 12, с. 59].

Таблица 1

Модель смены поколений в советской / российской истории

№	Поколение (по Хау и Штраусу)	Описание (по В.И. Пищик)	Период рождения
1	«Бэби-бумеры»	Носители традиционной ментальности	1946–1964 гг.
2	Поколение X	Носители переходной ментальности	1965–1983 гг.
3	Поколение Y	Носители инновационной ментальности	1984–1999 гг.
4	Поколение Z	Носители постинновационной ментальности	2000–2015 гг.

В.В. Радаев предлагает более развернутую (6-поколенную) версию модели, исходя из представления о том, что границы поколений определяют «крупные исторические события или процессы, фиксируемые в памяти... поколений в качестве центральных». При этом подчеркивается, что эти события и процессы синхронизированы не с периодами рождения, а с периодами мировоззренческого «созревания» личности (impressionable years – в диапазоне 17-25 лет) [8, с. 17]. В компактном виде эта модель отражена в табл. 2 [8, с. 18].

Таблица 2

Модель смены поколений в СССР / РФ (по В.В. Радаеву)

№	Поколения	Период рождения	Период «взросления»
1	Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941 – 1956 гг.
2	Поколение оттепели	1939 – 1946 гг.	1956 – 1964 гг.
3	Поколение застоя	1947 – 1967 гг.	1964 – 1984 гг.
4	Реформенное поколение	1968 – 1981 гг.	1985 – 1999 гг.
5	Поколение миллениалов	1982 – 2000 гг.	1999 – 2016 гг.
6	Поколение Z	2001 г. и позднее	2016 г. и далее

Модель В.В. Радаева фактически развивает идеи Ю.А. Левады о смене поколений в советской истории – от сформировавшегося в годы Революции и Гражданской войны до вступившего во взрослую жизнь в эпоху рыночных и демократических реформ. В обобщенном виде модель Ю.А. Левады (с кратким описанием исторического контекста юношеского этапа социализации представителей каждого поколения) представлена в табл. 3 [4, с. 7-8].

Таблица 3

Модель смены поколений в СССР / РФ (по Ю.А. Леваде)

Исторический период	Временные рамки «взросления»	Годы рождения	Исторический контекст «взросления»
Революционный перелом	1905–1930 гг.	1890-е гг.	Войны, революции, Серебряный век российской культуры, «территория кровавого фанатизма»
«Сталинская» мобилизационная	1930–1941 гг.	около 1910 г.	Формирование монолитного тоталитарного общества:

Исторический период	Временные рамки «взросления»	Годы рождения	Исторический контекст «взросления»
система			раскрестьянивание, урбанизация, массовый террор, массовое образование, унификация образа жизни и мысли
Военный и послевоенный период	1941–1953 гг.	1920–1928 гг.	Вопрос выживания тоталитарного режима, создание основ «холодной войны», политические репрессии / депортация народов
«Оттепель»	1953–1964 гг.	1929–1943 гг.	XX съезд КПСС, обличение «культы личности»; формируется первое в советской истории поколение, свободное от массового страха и надеющееся на гуманизацию социализма
«Застой»	1964–1985 гг.	1944–1968 гг.	Попытка стабилизировать партийно-советский режим при отказе от массовых репрессий и реформ, разрядка с США; массовое потребление, рост коррупции, возникновение диссидентских групп и движений
«Перестройка» и «реформы»	1985–1999 гг.	с конца 1960-х гг.	В активную жизнь вошло новое поколение, не знавшее переломов и исканий.

Несложно заметить, что и у В.В. Радаева, и у Ю.А. Левады интервалы годов рождения и взросления для разных поколений не одинаковы, что, очевидно, отражает представления о неравномерности темпов исторического процесса и несовпадения поколенческих границ с границами возрастных когорт.

В качестве промежуточного итога, отметим следующее:

1) все вышеописанные модели основаны на базовой концептуальной схеме смены поколений в XX в., предложенной Н. Хау и У. Штраусом, и являются вариантами её адаптации к реалиям советской и постсоветской социально-политической и культурной истории;

2) большинство из них эксплицитно основаны на интерпретации К. Мангеймом поколения как особого рода социально-культурной общности, члены которой участвуют в одних и тех же исторических и социальных событиях, разделяют общую судьбу и общие идеи [8, с. 16];

3) несмотря на вариативность хронологических границ одних и тех же поколений в разных моделях, а также определенную условность этих границ – самые старшие и самые младшие представители определенного поколения смыкаются с близкими по возрасту

представителями «соседних» поколений, что порождает феномен так называемых «эхо-поколений» [13, с. 304], для каждого поколения можно выделить его «ядро».

Сравнение возрастных границ поколений в разных моделях позволило более-менее надежно выделить возрастные границы их «ядер» – за исключением тех, историческим водоразделом для которых стали Революция, Гражданская война и создание Советского Союза. Хронологические рамки «ядра» поколения составляют диапазон в 9–15 лет. Для «поколения оттепели» им стали люди 1930–1940 гг. рождения, для советских «бэби-бумеров» («поколение застоя») – 1950–1965 гг., для поколения X – 1971–1980 гг., для «миллениалов» – 1984–1993 гг. и для поколения Z – 2000–2010 гг.

Относительно последнего поколения нам бы хотелось отметить, что большинство российских авторов, которые о нем пишут, ведут отсчет годов рождения его представителей от начала 2000-х гг., однако это вступает в логическое противоречие с идеей о том, что социокультурные трансформации, приходящиеся на период в жизни людей от начала вторичной социализации до взросления, становятся ключевым фактором конституирования определенного поколения. Общим местом является утверждение, что для поколения Z сутью такого рода трансформаций выступает завершение процесса формирования цифровой информационно-коммуникационной среды, повсеместное распространение мобильных цифровых устройств, общедоступность Интернета и рутинизация использования различных цифровых гаджетов. В России все вышеназванное пришлось на вторую половину 2000-х – начало 2010-х гг. В этот период родившиеся после 2000 г. в лучшем случае начали ходить в школу, а в подростковом и юношеском возрасте пребывали люди, родившиеся ещё во второй половине 1990-х гг. С этой точки зрения целесообразно обозначить примерные границы поколения Z в диапазоне 1995–2015 гг., что не противоречит помещению «ядра» поколения Z в указанные нами выше временные границы.

Таким образом, признавая доминирование концепции поколений К. Мангейма среди современных российских социологов, принимая в качестве рабочего определение термина «поколение», предложенное М.Б. Гловым, и соглашаясь с базовым характером модели Хау – Штрауса для описания исторической смены поколений, мы предлагаем в целях более четкой дифференцировки социокультурных и социально-психологических (в том числе поведенческих) различий между поколениями включать объект эмпирических исследований группы респондентов, входящих в «ядро» соответствующих поколений. Такой подход, на наш взгляд, позволит выявить и важнейшие межпоколенные различия в системах ценностей.

Обращаясь к концепту ценности, следует указать на то, что его социологическая интерпретация, как правило, осуществляется в связи с конкретной методологией сравнительного изучения ценностей, включающей операционализацию самого концепта и методику его измерения. Учитывая это обстоятельство, ниже мы рассмотрим проблему концептуального осмысления термина «ценность» в контексте различных подходов к их классификации и измерению.

Оригинальную типологию наиболее влиятельных методологических подходов к эмпирическому изучению ценностей предлагают болгарские исследователи И.Г. Гарванов и М.З. Гарванова. Они разделяют все подходы на структурно-энергетичные и структурно-содержательные [14, с. 16]. В первом случае каждая ценность оценивается не сама по себе, а по отношению к другим ценностям, т.е. как единица иерархически выстроенной системы ценностей. При этом иерархия ценностей рассматривается как результат количественных соотношений между интенсивностями приверженности отдельным ценностям. К классу структурно-энергетичных теорий авторы относят подходы М. Рокича и Р. Инглхарта [14, с. 5-7]. Во втором случае в одну группу объединяются теории, которые постулируют доминирование в культуре какого-либо общества определенных семантически связанных ценностей, представляющих один из полюсов ценностных дихотомий (коллективизм и

индивидуализм, открытость новациям и консервативность и т.п.). К числу этих теорий авторы относят подходы Г. Хофстеде и Ш. Шварца [14, с. 8-15].

М. Рокич принципиально различает категории ценности и установки. Установки имеют дело с конкретными ситуациями и объектами, функционируют как готовый паттерн поведения по отношению к ним. Ценности же функционируют как легитимные для конкретного индивида / группы режим деятельности или ориентация на определенное конечное состояние, агрегируя множество различных установок и «покрывая» множество различных ситуаций. Таким образом, согласно М. Рокичу, ценности представляют собой устойчивые убеждения о предпочтительных способах поведения или конечных жизненных целях [2, с. 12]. Такая трактовка ценности получила распространение и в отечественной социологии. В частности, В.А. Ядов с коллегами полагают, что установки и ценности отличаются лишь степенью генерализации, являясь иерархическими уровнями целостной системы диспозиций [15, с. 35-37].

Подход М. Рокича предполагает разделение ценностей на два класса: терминальные, отражающие целевые установки индивидов (то, чего они хотят достигнуть), и инструментальные, через которые выражается представление об одобряемых средствах достижения жизненных целей. Всего им было выделено 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, охватывающих разнообразные аспекты жизнедеятельности людей. Ранжирование респондентами этих ценностей отражает, по М. Рокичу, структуру ценностных систем индивидов [16].

Несмотря на полувековой опыт применения методологии М. Рокича в эмпирических исследованиях ценностей, она остается уязвимой для критики, прежде всего, в связи с априорным подходом к включению конкретных ценностей в их конечные перечни и недостаточно четкими критериями различения инструментальных и терминальных ценностей [2, с. 14].

Р. Инглхарт является ведущей фигурой в области сравнительных исследований ценностей, инициатором международного проекта World Values Survey. В своих работах он указывает на диалектическую связь между культурными и ментальными характеристиками национальных и региональных сообществ и существующими в них экономическими институтами. Одна из продуктивных гипотез ученого связана с идеей, что межгенерационные изменения в системах ценностей (от традиционалистских к современным и постсовременным / постмодернистским), обусловленные социально-экономическими сдвигами, в свою очередь, влияют на динамику изменений повседневных экономических практик индивидов [17].

Р. Инглхарт в качестве ключевых осей ценностей выделяет две: «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания (survival values) – ценности самовыражения (self-expression values)» [18, с. 80]. С точки зрения Р. Инглхарта и его коллег, культурные императивы конкретных обществ располагаются между полюсами этих осей ценностей, отражая степень приверженности большинства их членов тем или иным (традиционалистским или современным / постмодерным) системам ценностей. В обществах индустриального типа наблюдается сдвиг, в первую очередь, от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, тогда как «ценность выживания» остается в приоритете, а при переходе к постиндустриальной экономике во всех обществах усиливается значение «ценности самовыражения» при сохранении приверженности секулярно-рациональным ценностным ориентациям [18, с. 46-54].

При этом формального определения понятию «ценность» Р. Инглхарт не дает, поскольку центральным объектом его изучения являются культурные различия, которые он, в свою очередь, операционализирует посредством ценностей. Сами же ценности представляют собой агрегацию значений множества индикаторов, измеряемых в ходе массовых выборочных опросов в основном с помощью порядковых шкал [19]. Несмотря на то что ценности в рамках подхода Р. Инглхарта рассматриваются в большей степени как термин для обозначения инструмента измерения культурных различий, это не умаляет

полезности получаемых эмпирических результатов, так как они позволяют описывать культурную динамику через ценностные различия между разными поколениями в пределах одного и того же общества, что и является предметом нашего собственного исследовательского интереса.

Г. Хофстеде, интерпретируя культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других» [20, с. 10], на основе данных межстрановых сравнительных исследований культурных различий разработал шестимерную систему ценностных координат, детерминирующих стандарты и паттерны поведения в конкретном обществе. При этом ценности интерпретируются им как «широко распространённая склонность предпочитать некоторые обстоятельства по сравнению с другими» [20, с. 11]. Эти предпочтения определяются им через набор дихотомических характеристик: «дистанция власти (большая / меньшая)», «избегание неопределенности (большее / меньшее)», «индивидуализм / коллективизм», «маскулинность / фемининность», «долгосрочная / краткосрочная временные ориентации», «потворство желанием / сдержанность», а их операционализация производится через набор параметров, измеряемых посредством порядковых шкал [20, с. 21-33]. В литературе встречаются неоднозначные оценки надежности и валидности инструментария для измерения ценностей, разработанного Г. Хофстеде [21], для нас важнее то, что он исходит из идеи гомогенности культур в рамках его системы ценностных координат, тогда как для нас более важным и интересным представляется выявление групповых, в частности межпоколенных различий в ценностях.

С этой точки зрения близок идеям Г. Хофстеде подход Ш. Шварца. В его основе – выделение базовых культурно обусловленных ценностных ориентаций, преобладающих в определенном обществе, которые отражают то, каким образом в этом обществе организовано разрешение фундаментальных проблем регулирования человеческого поведения. В числе этих проблем Ш. Шварц выделяет: 1) определение природы отношений и границ между личностью и группой; 2) обеспечение воспроизводимости социального порядка; 3) регуляция использования человеческих и природных ресурсов. Ученый априорно вводит для каждой фундаментальной проблемы по два полярных варианта культурного «ответа» (в форме определенной базовой ценностной ориентации), которые представляют собой веберовские идеальные типы, тогда как реальная ситуация представляет собой тот или иной промежуточный вариант. Рецепт решения первой проблемы заключен в выборе обществом позиции между альтернативными ценностями, обозначенными Ш. Шварцем как автономия и принадлежность. Решение второй проблемы предполагает большую или меньшую приверженность либо ценности равноправия, либо ценности иерархии. Наконец, ответ на третью проблему находится внутри культурной дихотомии, выражающейся через противопоставление ценностей «гармонии» и «мастерства» [22, с. 39-41]. В обобщенном виде концепция Ш. Шварца представлена на рис. 1.

Рис. 1. Модель взаимосвязей ценностных ориентаций на социетальном уровне (уровне культурных целостностей)

При этом Ш. Шварц акцентирует внимание на том, что на индивидуальном уровне в сравнении с уровнем социетальной системы ценностей организованы в соответствии с иными принципами. В одном случае мы имеем дело с мотивационно-ценностной системой, организующей приоритетные жизненные цели индивидов и приемлемые с их точки зрения средства целедостижения, что концептуально близко к построениям М. Рокича (всего Шварц выделил 10 универсальных ценностей такого типа). В другом случае речь идет о нормативных культурно-ценностных ориентациях, отражающих доминирующие, институционально поддерживаемые коллективные представления о правильном и девиантном поведении, обладающие для индивида принудительной силой. В связи с этим между культурно предписываемыми (cultural approved ideals) и персональными ценностями (personal valuepriorities) в случае, когда они одновременно регулируют одну и ту же сферу социальных практик, вопреки ожиданию вполне может наблюдаться некоторое рассогласование [23, p. 50-51].

Таким образом, в своей концепции ценностей Ш. Шварц синтезирует идеи М. Рокича, Г. Хофстеде и, отчасти, Р. Инглхарта. Его комплексное определение ценности, в сжатой форме сформулированное М.Г. Рудневым как «желаемые цели, различающиеся по важности, которые служат ведущими принципами в жизни людей» [2, с. 17], может быть признано наиболее адекватным задачам научного понимания этого феномена.

Подводя общие итоги, сформулируем ключевые выводы нашей статьи:

1) наиболее признанной в современной российской социологии интерпретацией концепта «поколение» является его определение в русле теоретической традиции К. Мангейма как особой социально-демографической и культурно-исторической общности людей, объединенных границами возраста и условиями формирования их систем ценностей и мировоззрения;

2) российские модели, описывающие смену поколений XX в., являются адаптациями модели, разработанной Н. Хау и У. Штраусом; наиболее полной и обоснованной следует считать модель, предложенную В.В. Радаевым;

3) в целях выявления ценностной дифференциации между различными поколениями целесообразно в эмпирических исследованиях опрашивать представителей «ядра» каждого поколения, элиминируя таким образом эффекты вовлечения в опросы представителей «эхо-поколений», ответы которых «сглаживают» реальные социокультурные различия и «разрывы» между поколениями;

4) наиболее полно концепт «ценности» раскрывается в подходе Ш. Шварца (ценности как желаемые цели, различающиеся по важности и служащие ведущими принципами в жизни людей); при этом он различает культурно предписываемые ценности-императивы на социетальном уровне и персональные ценности, включенные в индивидуальную мотивационно-ценностную структуру; ценности поколения представляют собой сочетание персональных ценностей, отражающих биографический опыт, конкретные условия социализации и актуальное социальное положение, и разделяемых ценностей-императивов, отражающих культурные сдвиги в обществе;

5) операционализация отдельных ценностей осуществляется посредством конструирования эмпирически измеримых индикаторов; наиболее разработанными и хорошо апробированными системами индикаторов для измерения приверженности тем или иным ценностям являются опросники World Values Survey и European Values Study (почти полностью совпадают по содержанию); эти опросники основаны на методологии Р. Инглхарта, которая наиболее удачна с точки зрения задач эмпирического исследования культурной динамики конкретного общества через выявление межпоколенных ценностных трансформаций.

В завершение хотелось бы также указать на важность сочетания статистического анализа данных массовых опросов населения с качественным анализом глубинных интервью представителей различных поколений, поскольку именно последние являются релевантным инструментом, выявляющим многочисленные связи между биографией индивида, опытом его приобщения к важным историческим событиям и социокультурным процессам, условиями социализации в подростковом и юношеском возрасте, с одной стороны, и сформировавшейся у него системой ценностей – с другой. Именно такая комбинация методов и описанных выше подходов и концепций была взята «на вооружение» в ходе проведения полевого исследования при участии автора статьи в рамках проекта РФФИ ««Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий». Результаты этого исследования автор настоящей статьи и его коллеги планируют изложить в последующих публикациях.

Литература.

1. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2012. – № 3-4. – С. 12-24.
2. *Руднев М.Г.* Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран [Текст]: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / М.Г. Руднев. – Москва, 2009. – 191 с.
3. van Hoorn A. Generational Shifts in Managerial Values and the Coming of a Unified Business Culture: A Cross-National Analysis Using European Social Survey Data // Journal of Business Ethics. – 2019. – № 155(2). – p. 547-566.
4. *Левада Ю.А.* Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5 (55). – С. 7-14.
5. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7-47.
6. *Дубин Б.* Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 2 (58). – С. 11-15.

7. *Глотов М.Б.* Поколение как категория социологии // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 42–48.
8. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 15-33.
9. *Пищик В.И.* Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 80-88.
10. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. – New York: William Morrow and Company, 1991. – 538 p.
11. Howe N. Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. – New York: Vintage Books, 2000. – 432 p.
12. *Гаврилова А.В.* Социально-психологические особенности ментальности нового поколения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия, психология, педагогика». – 2016. – Т. 26. – Вып. 2. – С. 58–63.
13. *Миронова О.А.* Проблемы формирования экономики постиндустриального общества в России в контексте теории поколений // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. – 2017. – № 5. – С. 295-315.
14. *Гарванова М.З., Гарванов И.Г.* Исследование ценностей в современной психологии // Современная психология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). – Казань: Бук, 2014. – С. 5-20.
15. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – Москва: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
16. Rokeach M. The Nature of Human Values. – New York: Free Press. 1973. – 438 p.
17. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6-32.
18. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – Москва: Новое издательство, 2011. – 464 с.
19. World values survey wave 7: master survey questionnaire [Электронный ресурс] // World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>
20. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2014. – №12. – С. 9-49.
21. Spector P.E., Cooper C.L., Sparks K. An International Study of the Psychometric Properties of the Hofstede Values Survey Module 94: A Comparison of Individual and Country / Province Level Results // Applied Psychology: An International Review – 2001. – № 50 (2). – P. 269-281.
22. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т.5. – №2. – С. 37-67.
23. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work // Applied Psychology: An International Review. – 1999. – № 48. – P. 23-47.